

О.Л. Лейбович

РЕЦЕНЗИЯ: КАЛИНИНА О.Н. ПАРТИЙНЫЕ И СОВЕТСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1946–1964 гг.: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА / РОС. АКАД. НАУК, СИБ. ОТД-НИЕ, ИН-Т ИСТОРИИ. НОВОСИБИРСК : ПАРАЛЛЕЛЬ, 2013. 435 с.

В 2013 г. тиражом 150 экземпляров в Новосибирске была издана монография О.Н. Калининой «Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа» [1]. Темой исследования, как это явствует из заголовка, было плотное описание регионального отряда советского командующего класса (так называли начальствующих лиц в старых книжках). В современной литературе в ходу другие номинации: аппаратчики, номенклатура, элита. Ольга Калинина предпочитает объединять своих персонажей общим термином – партийно-советская номенклатура, или, в нечастых случаях, «управленцы» (С. 327), или «номенклатурная элита» (С. 231). Она рассматривает их как особую корпорацию, обладающую коллективной психологией, внутренними связями (отношениями), инстинктом самосохранения (С. 156). Автор предполагает, что внутри этой корпорации существовали региональные объединения со своими особенностями и по отношению к Центру (так Ольга Калинина называет верховную власть), и по моделям поведения. Без этого допущения было бы неправомерно расширять предмет исследования на Западную Сибирь, не ограничиваться изучением номенклатурных связей и обычаев в одной отдельно взятой области.

О.Н. Калинина дает собственное толкование этой географической зоны, исключив из нее Тюменскую область. «Территориальные рамки исследования охватывают Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области» (С. 10). Судя по приложениям, автор диссертации работал в архивах четырех областей. Следов знакомства с фондами Кемеровского архива я не обнаружил. Можно предположить, что Ольга Калинина произвела вторичный анализ исторических текстов по монографии А.Б. Коновалова. Она очень высоко оценивает его вклад в исследование проблемы: «В своих работах он затронул широкий спектр вопросов – принципы комплектования партийной номенклатуры Кузбасса, ее численность, состав, внутригрупповые отношения. Автором последовательно разрабатывались проблемы материально-бытового обеспечения партийной номенклатуры, ее политической культуры. ...Автором также анализируется влияние партийных лидеров на состояние дел в регионе, описаны методы их работы, способы лоббирования местных интересов в центральных органах власти и т.д.» (С. 24, 25).

Допустимо ли сочетание в одном историческом исследовании первичного и вторичного анализа источни-

ков? Социологи, насколько мне известно, таким приемом широко пользуются. Могут ли это делать историки? На мой взгляд, да, но при соблюдении ряда условий – полного доверия к исследовательской культуре товарища по историческому цеху (автор монографии это доверие демонстрирует) и далеко идущем сходстве – в конечном счете, тождестве исследовательских стратегий – сознательном и отрефлексированном соблюдении предложенных им норм, последовательности шагов, отборе однотипных документов для анализа. В монографии я не обнаружил следов обсуждения эвристических возможностей предложенной и исполненной А.Б. Коноваловым исследовательской практики. Возможно, это осталось за кадром, поскольку О.Н. Калинина не склонна вводить читателя в свою творческую лабораторию. Она знакомит, прежде всего, с результатами исследования, а не с методами интерпретации исторических источников. В этом смысле перед нами вполне традиционно выполненное историческое исследование, отличающееся от многих большой фундированностью выводов и гипотез. Каждое положение, выдвинутое Ольгой Калининой, немедленно иллюстрируется множеством примеров – выдержек из протоколов, служебной переписки, воспоминаний участников, или свидетелей событий, превосходно собранным статистическим материалом. Человек, проработавший монографию О.Н. Калининой, наверное, будет знать все о порядке и объеме снабжения номенклатурных работников в 1945–1964 гг.: что ели, сколько получали и каким способом, на что тратили деньги и пр. И все это для того, чтобы доказать: «...фактические данные исследований опровергают вывод о материальном эгалитаризме управленцев» (С. 165).

Скрупулезность, детальность, осторожность в работе с официальными источниками являются неоспоримым достоинством монографии. К воспоминаниям автор относится менее критично, иногда буквально следуя за рассказчиком, повторяя его оценки, более того, пользуясь его языком: «На этом поприще Лощенко зарекомендовал себя как грамотный управленец и настоящий коммунист, чем и заслужил уважение местных руководителей» (С. 323).

Только в одном случае Ольга Калинина, как представляется, допустила историческую погрешность: «При анализе лишь биографических данных Брольницкого (родился в еврейской семье, отец владел мастерской) становится ясно, что уже этого было доста-

точно для «отсеивания» его из рядов партии, учитывая обстановку «Большого террора» 1937–1938 гг.» (С. 137). Большой террор и кампания против космополитов разделяет десятилетие. Евреи перед войной не относились к числу т.н. «враждебных наций» [2. С. 456 (примечание)].

Тематика исследования распадается на два сюжета: изучение «...положения региональной и местной номенклатуры в структуре власти» и «трансформации социально-профессионального облика руководителей: изменения в их базовых корпоративных характеристиках (численности, половозрастном составе, образовательном уровне, партийном стаже и социальном положении)» (С. 9).

Автор – историк, и для него важно рассмотреть избранные им темы в эволюции:

«Книга охватывает хронологический период, включающий два особых этапа политического и экономического развития СССР – «поздний сталинизм» (1946 – начало 1950-х гг.) и «оттепель» (середина 1950-х – 1964 г.)».

По мнению Ольги Калининой, «в этот период в системе власти происходили сложные и разнонаправленные по своим векторам процессы, влиявшие на функционирование партийных и советских органов в сфере управления, на институциональное положение управленческих групп» (С. 9). Здесь мысль автора выражена не совсем ясно: если речь идет об одном периоде, тогда процессы должны обладать общей тенденцией; если же они по своим векторам кардинально отличаются друг от друга, тогда следует говорить и писать о разных периодах функционирования власти.

В процессе исследования автор, в конце концов, приходит именно к этому умозаключению:

«Анализ выявленных в центральных и региональных архивах документов позволяет сделать вывод о том, что послевоенный период развития политических и государственных институтов характеризуется тенденцией к усилению контроля Центра над деятельностью региональных властей <...> Существовавшая система партийно-государственного правосудия и многоуровневого контроля инспектировала деятельность, поведение и состав номенклатуры сразу по нескольким «вертикалям» системы управления» (С. 229, 230).

«В целом период реформ и институциональных экспериментов середины 1950-х – первой половины 1960-х гг. имел важные последствия для региональной власти. Эти годы стали временем определенных институциональных изменений в рамках существовавшей политической системы, выразившихся в поиске и создании обновленных механизмов управления и передачи части властных полномочий в регионы. В хрущевский период также наметилась тенденция слияния управленческих обязанностей политических и хозяйственных руководителей» (С. 87).

Передача части властных полномочий в регионы может рассматриваться и в более широком контексте,

предложенном Константином Титовым. Он обозначил новый тип отношений верховной власти и партийной номенклатуры как результат общественного договора, заключенного на XX съезде КПСС [3. С. 132–141]. Было бы интересно узнать мнение Ольги Калининой на этот счет, но, к сожалению, она уклонилась от дискуссии на тему общественного договора. Такая сдержанность, являющаяся оборотной стороной тщательности, выверенности, «каучуковости» формулировок, затрудняет полемику с автором. «Определенные институциональные изменения» трудно оспорить, но этот оборот очень мало говорит о реальных изменениях во властной системе. И это не языковая погрешность, это свойство исторического нарратива, с недавних пор укорененного в научных текстах: какой-то особенный канцелярит, стертость языка, готовые расхожие формулировки, отсутствие личного стиля. Так часто пишут диссертации. И здесь Ольга Калинина не выбивается из общего ряда, что очень жаль, поскольку она хорошо знает, о чем пишет, умеет работать с источниками, интерпретировать факты в их временном контексте, быть профессионалом в археологии исторического знания.

Особенно это проявляется в ее реконструкции социального портрета номенклатуры. Четкая структура текста, множество сведений, почерпнутых из разных источников, профессиональное владение просопографическим методом выгодно отличают этот раздел монографии. Историки советской номенклатуры, надеюсь, не смогут проигнорировать это описание сибирских начальников. Будущие исследователи смогут определить, что в этом портрете образует местный колорит, а что является общим местом для всей когорты советских управленцев 40-х – 60-х гг. Автор выдвигает любопытные гипотезы, касающиеся распространения буртальных форм начальственного поведения:

«...в общественном мнении существовало еще одно обстоятельство – в нем незримо присутствовала определенная градация той «степени» заносчивости и высокомерия, «дозволенных» обладателям различных политических статусов» (С. 309).

Связь между общей культурой советского общества и паттернами политического поведения, обнаруженная и предъявленная Ольгой Калининой, обнаруживает, кроме всего прочего, неактуализированные эвристические ресурсы автора – способность применять методы иных гуманитарных наук к изучению истории. Можно только сожалеть о том, что эти импульсы не нашли своего развития в исходной части работы. Я имею в виду раздел методологии, в котором автор не потрудился внятно изложить объяснительную концепцию исследования, ограничившись давно уже опустошенными формулами: «...общенаучные и специальные исторические принципы и подходы, теоретико-концептуальные наработки и методы политологии и социологии. Важнейшим методологическим принципом данного исследования является принцип историзма и проблемно-хронологический подход, которые

предполагают рассмотрение любого явления или процесса в развитии и взаимообусловленности с конкретно-историческими условиями» (С. 10).

Эта беззаботность по части теории – распространенная болезнь в российском историческом сообществе. И автор монографии не избежал соблазна не задуматься над тем, в какой парадигме он намеревается работать. И с историографией вопроса автор обошелся подобным образом, позаимствовав школярскую схему: советская, постсоветская, западная. И тут появляются ошибки: М. Джилас объявляется «марксистом-эмигрантом» (С. 14). «Новый класс» он, как известно, писал в Югославии. А с фактическими ошибками и опечатки – иногда смешные: «Дж. Хафа «Советские перфекты» (С. 13).

Видно, что корректор с рукописью не работал, и редактор тоже. Иначе секретарь обкома Колущинский не превратился бы в Е.П. Колощунского (Л. 75). И не появились бы в подстрочниках краткие биографические справки об Иване Серове (С. 152) и Льве Мехлисе (С. 143). Книга не предназначена для школьников, а профессиональные историки эти имена знают.

Подведем итоги. В Новосибирске малым тиражом издана монография, позволяющая проверить наши знания о советской номенклатуре 1945–1964 гг. на материалах нескольких областей Западной Сибири. Автору при помощи аутентичных источников удалось показать, как ведущая тенденция в изменениях властной системы отразилась в позициях региональных управленцев, более того, в их социальном облике, компетенциях и статусе. Ольга Калинина не опровергла сложившиеся в отечественной историографии представления об эволюции политической системы в советскую эпоху, она не предложила альтернативной концепции. Она решала иную задачу: исследовать конкретно-исторические формы социальных изменений в сфере практической политики, способы и техники адаптации номенклатурных деятелей к новым условиям игры, навязанных верховной властью, механизм поддержания динамического равновесия между отдельными звеньями большой системы. И с этой задачей Ольга Калинина справилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина О.Н. *Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа* / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Параллель, 2013. 435 с.
2. См.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
3. Титов К. «Contract social» по-хрущевски (доклад «О культе личности и его последствиях как договор верховной власти с номенклатурой») // ПолИс. 2005. № 5.

Leybovich Oleg L. Perm State Academy of Art and Culture (Perm, Russian Federation). E-mail: culture@pstu.ru

REVIEW. KALININA O.N. PARTY AND SOVIET HEADS OF WESTERN SIBERIA IN 1946–1964: EXPERIENCE HISTORICAL ANALYSIS / RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SIBERIAN OFFICE, INSTITUTE OF HISTORY. NOVOSIBIRSK : PARALLEL, 2013. 435 p.

REFERENCES

1. Kalinina O.N. *Party and Soviet Leaders of West Siberia in 1946–1964: Experience of historical analysis*. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013. 435 p.
2. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 192–1939*. Moscow, 2011.
3. Titov K. “Contract social” a la Khrushchev (The report “On personality cult and its consequences” as a supreme power’s contract with the nomenclature). *POLIS. Journal of Political Studies*, 2005, no. 5. (In Russian).